
СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.758

DOI

АНОМИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

THE ANOMIE: BASIC THEORIES

В.А. Кузьменков**V.A. Kuzmenkov**

Орловский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова,
Россия, г. Орёл, 302027, ул. Игнатова, д. 2.

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
named after V.V. Lukyanov,
2 Ignatov St, Oryol, 302027, Russia

E-mail: vakuzmenkov@gmail.com

Аннотация

Состояние потери нравственных ориентиров, ценностей и норм в обществе обозначают понятием аномия. В отечественной науке существует недостаток теоретического рассмотрения аномии, её ограниченность взглядами Э. Дюркгейма и Р. Мертона. При этом в науке сложился ряд подходов, существенно расширяющих возможности изучения аномии. Рассмотрены основные теории аномии, сложившиеся в социально-гуманитарных науках. Автором предпринята попытка систематизировать подходы к аномии. Выделены шесть групп теорий: структурно-функциональная, социокультурная, коммуникативно-информационная, криминологическая, психологическая и менеджериальная. Перечислены главные представители каждой группы и дана краткая характеристика их взглядов, также определён методологический потенциал основных подходов. Отмечено наличие противоречия между структурно-функциональной и герменевтической парадигмами: согласно первой точке зрения, аномия зарождается на уровне макросоциальных отношений и процессов, согласно второй – на уровне индивидуального сознания. Разрушение данного противоречия может быть направлением дальнейшего развития теории аномии.

Abstract

The state of loss of moral guidelines, values and norms in society is designated by the concept of anomie. In Russian science, there is a lack of theoretical consideration of anomie, its limited views of E. Durkheim and R. Merton. At the same time, science has developed a number of approaches that significantly expand the possibilities of studying anomie. The main theories of anomie that have developed in the social and humanitarian Sciences are considered. The author attempts to systematize approaches to anomie. Six groups of theories are identified: structural-functional, socio-cultural, communicative-informational, criminological, psychological, and managerial. The main representatives of each group are listed and a brief description of their views is given, as well as the methodological potential of the main approaches is defined. There is a contradiction between the structural-functional and hermeneutical paradigms: according to the first point of view, anomie originates at the level of macro – social relations and processes, according to the second-at the level of individual consciousness. The destruction of this contradiction may be the direction of further development of the theory of anomie.

Ключевые слова: аномия, криминология, культура, менеджмент, психология, структурный функционализм, ценности.

Key words: anomie, criminology, culture, management, psychology, structural functionalism, values.

Введение

В социально-гуманитарных науках существует несколько групп теорий аномии, своими корнями уходящих в две классические концепции, сформулированные Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном. Согласно точке зрения французского учёного [Дюркгейм, 1990], аномия проявляется в виде ряда социальных деформаций: кризисе нормативного регулирования в переходных обществах, когда старая система норм и ценностей разрушена, а новая ещё не утвердилась; неэффективности социальных и моральных норм в качестве методов регуляции социального поведения; неопределённости ценностно-нормативных ориентаций, потере целей жизни; росте числа самоубийств, преступлений и т. д. Мертоновский подход [Мертон, 2006] исходит из противоречия между культурно заданными целями и социальными способами их достижения, при этом основным выражением аномии выступает рост преступности. На базе этих двух концепций сложился ряд теорий. Большинство из них могут быть объединены в шесть подходов: структурно-функциональный; социокультурный; коммуникативно-информационный; криминологический; психологический; менеджеральный.

В современной России тема аномии изучается преимущественно в рамках дюркгеймовской и мертоновской теорий, хотя имеется ряд исследований, преодолевающих такое ограничение. В целом интерес к теории аномии повышается, что связано с масштабными преобразованиями, последовавшими после краха коммунистических режимов в Восточной Европе и модернизации Китая и динамикой преступности в США. В ракурсе изучения оказываются как трансформации всего мирового сообщества, так и локальные вопросы.

В современной России тема аномии изучается преимущественно в рамках дюркгеймовской и мертоновской теорий, хотя имеется ряд исследований, преодолевающих такое ограничение. В целом интерес к теории аномии повышается, что связано с масштабными преобразованиями, последовавшими после краха коммунистических режимов в Европе, модернизации Китая и динамикой преступности в США. В ракурсе изучения оказываются как трансформации мирового сообщества, так и локальные вопросы. Тем не менее, теоретические исследования, обобщающие и систематизирующие основные теории аномии, а также раскрывающие их методологические особенности, отсутствуют. В связи с этим автором сделана попытка дать краткое рассмотрение существующих теорий аномии, их методологического потенциала и перспектив научного применения. Целью статьи выступает классификация существующих подходов к пониманию аномии, объект исследования – теории аномии в социальных науках, предмет исследования – идейные основания данных теорий. Используются сравнительный и описательный методы.

Социологические подходы

Почти все существующие теории аномии могут быть сведены в шесть групп, первые три из которых являются по своей идее социологическими. Рассмотрим их более подробно.

1. Структурно-функциональная группа. Именно со структурного функционализма берёт начало современное изучение аномии. Здесь акцентируется внимание на разрушении взаимосвязи социальных элементов и анализе последствий этого на жизнь индивидов. Основные представители – Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, Р. Макайвер, в России – С.Г. Кара-Мурза и В.В. Кривошеев. [Дюркгейм, 1990; Мертон, 2006; Парсонс, 2000; Макайвер, 1950; Кара-Мурза, 2013; Кривошеев, 2009].

Изучение аномии начинается с французского философа Ж.-М. Гюйо, однако в полноценную теорию разворачивается у Э. Дюркгейма. Он рассматривает общество как систему, которая должна быть в состоянии контролировать свои компоненты. Эта функция осуществляется посредством механизма социальных норм. В определённых условиях этот механизм не способен работать эффективно, поэтому общество не может контролировать своих членов, и его существование находится под угрозой. Аномию ярко характеризует высказывание Э. Дюркгейма: «Никто не знает в точности, что возможно и что невозмож-

но, что справедливо и что несправедливо; нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями и надеждами, а потому все считают себя вправе претендовать на всё. Как бы поверхностно ни было это общественное потрясение, всё равно, те принципы, на основании которых члены общества распределяются между различными функциями, оказываются поколебленными» [Дюркгейм, 1990, с. 126]. Отношения органов общества не регулируются, что приводит к экономическим кризисам, распаду семей, преступлениям, суицидам и пр.

Если Э. Дюркгейм был озабочен солидарностью и сплочённостью общества при переходе от традиционного общества к индустриальному, то основной целью американского социолога Р. Мертон было объяснение высокого уровня преступности в американском обществе во время и после Великой депрессии. Для него аномия – это выбор социально запрещённых методов достижения одобряемых целей. Р. Мертон характеризует аномию не как отсутствие социально ценных целей, но как невозможность регулирования этапов достижения цели без отсылки к её уместности. Концепция аномии Р. Мертона отличается от концепции Э. Дюркгейма, главным образом, в двух отношениях. Во-первых, он отказался от изучения быстрых социальных изменений и сосредоточил внимание на относительно стабильных социальных отношениях, которые были связаны с более высоким уровнем преступности. Во-вторых, Р. Мертон отверг идею о том, что девиации в конечном счёте уходят корнями в природу человека, и пришёл к выводу, что они в значительной степени являются социальными продуктами. Доктрина «первородного греха» была заменена доктриной «социально обусловленного греха». Причины преступности связаны с взаимодействием социальной и культурной сфер общества.

Девиантное поведение начинается тогда, когда группа или индивид не имеют возможности нормативного достижения цели или по какой-либо причине не желают ему следовать. Р. Мертон отмечает: «Именно когда система культурных ценностей превозносит до небес, ставит буквально выше всего некоторые общие цели успеха и навязывает их всему населению в целом, в то время как социальная структура жёстко ограничивает или полностью перекрывает для значительной части того же самого населения доступ к одобряемым способам достижения этих целей, – именно тогда принимает широкие масштабы девиантное поведение» [Мертон, 2006, с. 263].

Идеи Э. Дюркгейма и Р. Мертона оказались очень популярны в американской науке и получили развитие в социологии, психологии, криминологии и теории менеджмента. В нашей стране их развивает отечественный социолог В.В. Кривошеев, который говорит о двух отличительных особенностях российского общества: высокая криминализация и господство коротких жизненных проектов, множественность социальных жизней человека [Кривошеев, 2009]. Эти деструктивные процессы в первую очередь затрагивают молодёжь, лишаящуюся стабильного будущего.

В целом, структурно-функциональная парадигма позволяет определить влияние институтов общества на рост девиантного поведения и формирование ценностей. Недостатком выступает недооценка человека как «культурного существа», социальное доминирует над культурным. Этот недостаток пытаются устранить вторая группа теорий.

2. *Социокультурная группа.* Учёные этого направления концентрируются на проблемах кризисов идентичности и социальной солидарности, деградации культуры, различиях в мировоззрении и ценностях представителей различных культур и поколений. Основные представители – П.А. Сорокин, Э. Тирикьян, Дж. Александер, П. Штомпка, Ф. Фукуяма, Р. Инглхарт, в России – С.А. Кравченко, Н.Н. Мещерякова [Сорокин, 2006; Tiryakian, 1981; Александер, 2012; Штомпка, 2001; Фукуяма, 2004; Инглхарт, 2011; Кравченко, 2014; Тощенко, 2020; Мещерякова, 2015].

Российско-американский учёный П.А. Сорокин связывает нарастание безнормия с концом чувственной культуры и переходом к новому типу – идеалистической культуре. Ошибкой являются попытки сохранить умирающую чувственную культуру: «В этих условиях великая задача нашего и следующих поколений состоит не в безнадежном воскрешении того, чего уже нет, а в решении других проблем: во-первых, сделать этот переходный

diesirae, diesilla как можно более безболезненным и, во-вторых, составить конструктивные планы для будущего общества и будущей культуры» [Сорокин, 2006, с. 790]. Войны, революции, идеологии, проекты социального переустройства – это всё одновременно и продукты распада, и попытки удержать чувственную культуру. Тем не менее, её крах неизбежен. Чувственная культура низвела человека до примитивного существа, движимого только властными, денежными и сексуальными потребностями. Новый человек как представитель идеалистической культуры должен научиться контролировать свои потребности и желания, ориентироваться на заботу о своих ближних, понимать и искать вечные ценности культуры и общества. С его становлением и связывается преодоление аномии.

Американский социолог Р. Инглхарт на базе многолетних эмпирических социологических исследований создал теорию «тихой революции». После Второй мировой войны произошёл переход от материалистических к постматериалистическим ценностям. В результате экономического роста в странах Запада на задний план отошли идеалы экономической и физиологической безопасности, и стали доминировать самовыражение и качество жизни. Следствием данного процесса является трансформация общественных структур, которая «характеризуется упадком иерархических институтов и жёстких социальных норм и расширением сферы индивидуального выбора и массового участия» [Инглхарт, 1997, с. 9]. Переход от материализма к постматериализму – процесс очень конфликтный и противоречивый, что и вызывает состояние безнормия. Исследования Р. Инглхарта позволяют раскрыть аномию в межпоколенческом и глобальном контекстах.

Американский политолог Ф. Фукуяма подверг анализу [2004a] большой пласт кризисных явлений современного общества, вызванных переходом от индустриального к информационному обществу. Этот так называемый великий разрыв начал проявляться с середины 1960-х годов в ряде негативных явлений: росте преступности и социальной дезинтеграции, упадке родственных связей как социального института, падении рождаемости и сокращении браков, увеличении числа разводов и внебрачных детей, падении доверия к общественно-политическим институтам, изменении характера участия людей в жизни друг друга (мимолётность социальных связей, сокращение межличностных обязательств) и многом другом. В другом труде Ф. Фукуяма рассматривает, каким образом биотехнологические практики приводят к обесцениванию человека как биосоциокультурного существа, что может привести к изменению всего человеческого общества [2004b].

Интересна теория швейцарского учёного Й. Галтунга, который основывает своё исследование на сочетании структурно-функциональной и социокультурной методологий. Он приходит к выводу, что большая часть обществ земного шара в конце XX в. находится в состоянии серьёзной социальной дезинтеграции. Причинами этого процесса являются деструктуризация и декультурация, ведущие к бесструктурности и бескультурности или, говоря иначе, к атомии (социальному распаду) и аномии (культурному кризису). Атомия – следствие усложнения человеческих обществ, роста их иерархичности, безличности и анонимности власти. Этот подход плодотворен тем, что позволяет разделить духовные и социально-структурные процессы. В качестве одной из главных причин кризиса Й. Галтунг видит постмодернистскую фазу развития мирового сообщества, которая сопровождается революцией в области коммуникаций и роботехники. Мир становится более технически развитым, но менее чувственно-эмоционально насыщенным, что отчуждает людей друг от друга [Galtung, 1996].

Разработки американского исследователя культуры Д. Александера [2012] и польского социолога П. Штомпки [2001] позволяют интерпретировать аномию в связи с культурной травмой, однако здесь нужно обозначить несводимость этих терминов друг к другу. Травма культурна и связана с психологически-болезненным переживанием исторически сложившихся проблем, тогда как аномия зарождается в ценностно-нормативных от-

ношениях и может существовать на относительно не опасном уровне. Общее содержание данного феномена можно описать следующим образом: «"Переживание травмы" можно понять как социологический процесс, который определяет болезненную рану, нанесенную сообществу, устанавливает жертву, возлагает ответственность и распределяет идеальные и материальные последствия» [Александр, 2012, с. 32].

Американский социолог Э. Тирикьян предложил говорить о «сексуальной аномии» как изменении гендерных ролей в современном мире, сексуальной революции, изменении половой идентичности и т. д. С одной стороны, аномия связана с расширением прав и свобод отдельных социальных групп, например, женщин, с другой – с изменением природы человека как биологического существа [Tiryakian, 1981].

Отечественный учёный С.А. Кравченко предлагает говорить о «нормальной» аномии. Общество перешло через определённый порог сложности, и традиционные методы поддержания порядка более не актуальны. В реальности доминируют короткоживущие референты. В этом смысле аномия сама стала нормой жизни. Нормальная аномия – это «расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека» [Кравченко, 2014, с. 6]. С.А. Кравченко связывает изменение содержания аномии с влиянием ускорения и усложнения социокультурной динамики, становления сложного социума. Аномия выступает как конституирование так называемых не-мест, не-людей, не-вещей, не-еды, не-услуг, не-знания и не-событий, то есть возникновение «ничто» как стирание социальной и культурной специфики отношений и предметов. При этом, благодаря глокализации, сохраняется социокультурная определённость других объектов, и поэтому происходит столкновение «ничто» и «нечто» [Кравченко, 2014].

Социокультурные подходы позволяют рассмотреть аномию как продукт трансформации ценностей и норм общества, цивилизационного сдвига и изменения природы человека. Они концентрируются на глобальных процессах, поэтому для изучения аномии на мезо- и микроуровне их следует применять с осторожностью.

3. *Коммуникативно-информационная группа* собственно аномией интересуется слабо. В целом, аномия – это информационное искажение и возникшее в результате этого отклонение в поведении личности. Представители этого подхода (Х. Маклюэн, Ю. Хабермас, А. Хиршман, Б. Мадьяр, А.Ю. Карпова [Маклюэн, 2003; Хабермас, 2000; Карпова, 2017]) также обращаются к изучению влияния информационных аббераций на формирование демократии. Например, немецкий философ Ю. Хабермас [Хабермас, 2000]. говорит о важности коммуникативной рациональности для демократии. Российский социолог А.Ю. Карпова понимает аномию как разрушение коммуникативных каналов и транслируемых смыслов. Неправильная интерпретация информации приводит к социальной дезинтеграции [Карпова, 2017]. Развитие теории аномии в этом направлении выглядит достаточно перспективно.

4. *Криминологическая группа* возникла на базе теории Р. Мертона, и в западной науке аномия чаще всего интерпретируется в этом ключе. Как отмечали А. Коэн, Р. Кловард и Л. Олин [Cohen, 1955; Cloward, Ohlin, 2003] и другие учёные, развивавшие подход Р. Мертона, он не обратил внимание на одно из главных последствий «американской мечты» – формирование социальной дискриминации и, как результат, нарастание девиаций.

Наделённые властью группы способны отчуждать от социальных благ более низкие слои и тем самым косвенно способствовать росту преступности. Социальная депривация реализуется посредством ограничений при поступлении в учебные заведения, получении социальной помощи (пособий, пенсий), устройстве на работу и т. д. При этом общество рекламирует не столько идею материального успеха, сколько стратегию повышения социального статуса, ведь наличие денег без поднятия по социальной пирамиде не приносит удовлетворения. Не имея возможности легально достичь целей, индивиды вынуждены со-

вершать девиантные поступки. Их цель – не только преодолеть систематическую дискриминацию, но и компенсировать «фрустрацию статуса». В этом смысле девиации «встроенны» в процесс социализации индивида низших социальных слоёв. Социализируемые индивиды изначально знают, что придётся прибегать к незаконным методам получения благ – коррупции в медицинских, образовательных или административных учреждениях, насилию в школе или армии, обману при устройстве на работу, мошенничеству или кражам на рабочем месте и пр. [Cohen, 1955, p. 28].

Нужно учитывать, что далеко не все представители низших слоёв общества идут на нарушение закона, а только те, кто имеет доступ к незаконным средствам для достижения материального успеха и высокого социального статуса. Преступления растут из-за большого числа возможностей обойти закон, а не из-за отсутствия легитимных способов достижения успеха [Cloward, Ohlin, 2003].

Интересный ракурс рассмотрения той же проблемы представила американский криминолог Ф. Адлер. При помощи аномии она объясняла рост женской преступности в индустриальном обществе. С одной стороны, формальное уравнение женщин в правах с мужчинами дало первым больше социальных возможностей. С другой стороны, консервативность общественного сознания по-прежнему мешала воспринимать женщин как равных, что и приводило к выбору ими незаконных способов достижения цели [Adler, 1975].

Сегодня очень популярна институциональная теория аномии С. Месснера и Р. Розенфельда [Messner, Rosenfeld, 2007]. Ключевым понятием данной теории является институциональный баланс власти по различным социальным институтам. Каждый социальный институт имеет собственную функцию в обществе, и их стабильное развитие помогает установить нормы, ценности, систему социальных ролей и даже верования в обществе. С. Месснер и Р. Розенфельд выделяют четыре главных института (экономика, семья, образование, государство) и предполагают, что в идеальном обществе между ними существует равновесие. В американском обществе такой баланс отсутствует, и экономика доминирует над другими институтами, которые сами начинают служить сугубо экономическим интересам. Такое общество вынуждает индивида к предпочтению экономического успеха над другими целями и одобряет любые средства достижения. Результатом является ограничение возможностей неэкономических институтов, нарушение их функциональности, включая функцию превенции преступлений [Baumer, Gustafson, 2007; Messner et al., 2008].

Аномия возрастает, когда, с одной стороны, экономические ценности и цели доминируют над неэкономическими ценностями, с другой стороны, ослаблены неэкономические институты, и они не в состоянии обеспечить законные пути достижения целей для общества. Отношения между различными институтами не являются статичными, сила их взаимодействий изменяется со временем. Таким образом, расширение влияния институтов семьи или государства может уравновесить доминирование экономических ценностей и уменьшить уровень аномии.

Криминологические теории имеют практическую направленность – прогнозирование и предотвращение преступности, особенно во время масштабных общественных трансформаций.

5. Психологическая группа. Здесь аномия понимается как определённые психологические состояния, препятствующие полноценному включению человека в общество. Ракурс рассмотрения переносится с макроуровня на внутренний мир личности.

Согласно австрийскому психиатру В. Франклу [Франкл, 1990, с. 308], источником аномии выступает утрата смысла жизни, причиной которой, в свою очередь, является «экзистенциальный вакуум». Он образуется в результате общественных (войны, политические перевороты и т. д.) и личных трагедий (болезни, смерть и пр.). «Этиология экзистенциального вакуума представляется мне вытекающей из следующих фактов. Во-первых,

человеку в отличие от животного никакие побуждения и инстинкты не говорят, что ему нужно делать. Во-вторых, в противоположность прошлым временам никакие условности, традиции и ценности не говорят, что ему должно делать. И часто он не знает даже, что он, по существу, хочет делать. Вместо этого он хочет делать то, что делают другие, или делает то, чего хотят от него другие. Он, так сказать, вносит свою лепту в конформизм и тоталитаризм; первый более характерен для Запада, второй – для Востока» [Франкл, 1990, с. 308]. Таким образом, он связывал аномию с формированием тоталитаризма, с одной стороны, и капитализма – с другой.

К идеям В. Франкла близки мысли Э. Фромма, который приходит к выводу о распространении социально-психологической болезни – равнодушии к другой личности. Формы её проявления – нарциссизм, некрофилия, садизм и мазохизм. Причины их существования скрыты в социокультурных условиях, например, в экономоцентризме и технократизме, производящих «больных людей». Индустриальная «мегамашина» подчиняет человека, отчего он становится склонен к девиациям [Фромм, 2004].

Л. Сроул понимал аномию как чувство личной бесперспективности и, чтобы подчеркнуть разницу между аномией как социальным процессом и личными проблемами, ввёл новое наименование – *apomía*, личностная или простая аномия (тогда как ранее использовался термин «*apomíe*» – общественная или сложная аномия). Как альтернативу он предложил древнегреческое понятие «эвномия», описывающее чувство социально-психологической принадлежности, однако этот термин не закрепился. Особенность подхода Л. Сроула состояла в том, что он отождествлял аномию и отчуждение и, чтобы эмпирически обосновать свои выводы, разработал целую шкалу измерения [Srole, 1956, p. 712]. Однако она была раскритикована за нечёткость, так как неясно, что именно – отчуждение или аномию – она измеряет.

Более успешно эмпирический базис подвёл канадский психолог В. Джилек, установивший наличие прямой связи между аномией и распространённостью психических болезней у индейцев Британской Колумбии (Канада) и штата Вашингтон (США). По итогам исследования он предложил термин «аномическая депрессия», который обозначает последствия аномии на уровне личности, а именно чувства уныния, отчаянья, апатии, дезориентации, фрустрации, ощущение утраты жизненных целей, повышенную агрессивность и склонность к алкоголизму и суициду [Jilek, 1974].

Одиночество как фактор аномии изучили американские психологи У. Садлер и Т.Б. Джонсон. Они пришли к выводу, что возникновению аномии способствует переживание одиночества в нескольких сферах жизни человека [Садлер, Джонсон, 1984].

Индивидуальные особенности личности могут вызывать аномию независимо от социальных факторов, при этом общество за счёт нормативного и институционального контроля способно предотвратить рост безнормия [McCloskey, Schaar, 1965]. Для молодых людей основным фактором возникновения аномии могут стать (по отдельности или совместно) неудачи в спорте, непризнание со стороны представителей противоположного пола, плохая успеваемость в учёбе, отсутствие друзей, конфликты с родителями и пр. [Agnew, 1992].

Сила психологических подходов состоит в объяснении возникновения аномии на микроуровне, как распространения индивидуальных поведенческих патологий. Негативные общественные трансформации отражаются на индивидах, которые, в свою очередь, избирают ненормативные модели поведения и тем самым умножают аномию.

б. Менеджеральная группа теорий. Здесь изучаются проблема падения культуры труда, нарушение трудовой дисциплины, профессиональная деформация, экономическая (в том числе «беловоротничковая») преступность. Его представители – О. Граски, Д. Коэн, Р. Ходсон, Ф. Мэнсфилд, Е. Цахуриди и другие. Благодаря их трудам появились термины «организационная аномия» и «корпоративная аномия», описывающие эффект

нарушения традиционных норм со стороны персонала производственной организации. Американский экономист П. Друкер утверждал, что чрезмерное «разделение труда препятствует возникновению соответствующих норм, и тогда начинает преобладать аномия» [Drucker et al., 1961]. Как чрезмерный, так и слишком слабый контроль на рабочем месте могут способствовать аномии, которая выражается в господстве субъективных правил труда [Hodson, 1999]. В целом эта группа теорий имеет исключительно прикладную направленность и может быть использована для исследования организационных патологий на микроуровне.

Выводы

Аномия – это комплекс социальных и культурных патологий, своего рода вирус, поражающий индивидов. При этом она может быть рассмотрена и как условно положительный феномен, так как имеет потенциал для конструктивного развития. Определённая доля аномии необходима для свободы в обществе, ведь если социальные нормы будут слишком жёсткими, индивидуальная свобода окажется ограниченной. Отсутствие жёсткой нормативной системы, допущение лёгких девиаций необходимо для развития самостоятельности индивидов. Однако эта «позитивная» аномия является контролируемой, она не выходит за рамки весьма низких пределов.

Систематизация подходов к изучению аномии позволила определить методологическую проблему. С одной стороны, общество и культура как реальности *sui generis* формируют индивидов, ограничивают их сознание и формы поведения. С другой стороны, из действий конкретных индивидов и вкладываемых в них смыслов складываются культурные и общественные отношения. Индивид и общество одновременно влияют друг на друга: общество и культура оказывают глубокое воздействие на индивида, но и он, в свою очередь, определяет социокультурные отношения своими действиями. Поэтому нет однозначного ответа на вопрос о том, зарождается ли аномия на уровне индивидуального сознания или на уровне макросоциальных отношений и процессов. Здесь есть напряжённость между структурно-функциональной и герменевтической парадигмами. С решением данной проблемы связано дальнейшее развитие теории аномии.

Список литературы

1. Александер Дж. 2012. Культурная травма и коллективная идентичность. Социологический журнал, 3: 6–40.
2. Дюркгейм Э. 1990. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., Наука: 575 с.
3. Инглхарт Р. 1997. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. Политические исследования, 4: 3-9.
4. Кара-Мурза С.Г. 2013. Аномия в России: причины и проявления. Доклады Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. 4. М.: Научный эксперт. 56 с.
5. Карпова А.Ю. 2017. Информационная аномия в политической коммуникации: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.05. Москва, 445 с.
6. Кравченко С.А. 2014. Нормальная аномия: контуры концепции. Социологические исследования, 8: 3–10.
7. Кривошеев В.В. 2009. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе. Социологические исследования: 57-67.
8. Маклюэн Г.М. 2003. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». 464 с.
9. Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. М., АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ: 873 с.

10. Мещерякова Н.Н. 2015. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.01. Москва. 311 с.
11. Парсонс Т. 2000. О структуре социального действия. М.: Академический Проект: 880 с.
12. Садлер У., Джонсон Т.Б. 1989. От одиночества к аномии. В кн.: Лабиринты одиночества. Составитель Н.Е. Покровский. М., Прогресс: 21–52.
13. Сорокин П.А. 2006. Социальная и культурная динамика. 2006. М., Астрель: 1176 с.
14. Тощенко Ж.Т. 2020. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: «Весь мир». 352 с.
15. Франкл В. 1990. Человек в поисках смысла. М., Прогресс: 368 с.
16. Фромм Э. 2004. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ: 635.
17. Фукуяма Ф. 2004. Великий разрыв. М., Издательство АСТ, ЗАО НПП «Ермак»: 474 с.
18. Фукуяма Ф. 2004. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., АСТ: 352 с.
19. Хабермас Ю. 2000. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука. 380 с.
20. Хиршман А.О. 2010. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ. 207 с.
21. Штомпка П. 2001. Социальное изменение как травма. Социологические исследования, 1: 6–16.
22. Adler F. 1975. Sisters in crime: The rise of the new female criminal. New York, McGraw-Hill: 287 p.
23. Agnew R. 1992. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, Vol. 30, 1: 47–87.
24. Baumer E.P., Gustafson R. 2007. Social Organization and Instrumental Crime: Assessing the Empirical Validity of Classical and Contemporary Anomie Theories. *Criminology*, 45: 617–663.
25. Cloward R.A., Ohlin L.E. 2003. Delinquency and Opportunity. In: *Criminological Theory: Past to Present*, edited by Cullen F.T. and Agnew R. CA: Roxbury Publishing Company: 278–283.
26. Cohen A.K. 1955. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. Glencoe, N.Y.: The Free Press: 202 p.
27. Drucker P.F., D'Antonio W.V., Ehrlich H.J. 1961. *Power and democracy in America*. Notre Dame: University of Notre Dame Press: 181 p.
28. Galtung J. 1996. On the Social Costs of Modernization. *Social Disintegration, Atomie/Anomie and Social Development. Development and Change*, Vol. 27, Issue 2: 379–413.
29. Hodson R. 1999. Organizational Anomie and Worker Consent. *Work and occupations*, Vol. 26, 3: 292–323.
30. Jilek W.G. 1974. *Salish Indian Mental Health and Culture Change: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of the Guardian Spirit Ceremonial*. Toronto: Holt, Rinehart & Winston: 131 p.
31. McCloskey H., Schaar J.H. 1965. Psychological Dimensions of Anomy. *American Sociological Review*, Vol. 30, № 1: 14–40.
32. MacIver R.M. 1950. *The Ramparts We Guard*. New York: The Macmillan Company. 152 p.
33. Messner S., Rosenfeld R. 2007. *Crime and the American Dream*. Belmont, CA: Wadsworth. 176 p.
34. Messner S., Thome H., Rosenfeld R. 2008. Clarifying and Elaborating Institutional Anomie Theory. *International Journal of Conflict and Violence*, 2: 163–181.
35. Srole L. 1956. Social integration and certain corollaries: an exploratory study. *American Sociological Review*, 21: 709–716.
36. Tiryakian E.A. 1981. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change. *Social Forces*, Vol. 59, 4: 1025–1053.

References

1. Aleksander Dzh. 2012. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost'[Cultural trauma and collective identity]. *Sociological Journal*, № 3: 6–40. (in Russian)
2. Dyurkgeym E. 1990. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]. М., Nauka: 575p. (in Russian)

3. Inglehart R. 1997. Postmodernity: Changing Values and Changing Societies. *Polis. Political Studies*, 4: p. 9. (in Russian)
4. Kara-Murza S.G. 2013. Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya. *Doklady Tsentra problemnogo analiza i gosudarstvenno-upravlencheskogo proektirovaniya. [Anomie in Russia: causes and manifestations. Reports of the Center for Problem Analysis and Public Administration Design] Vyp. 4. M.: Nauchnyy ekspert. 56 s. (in Russian)*
5. Karpova A.Yu. 2017. *Informatsionnaya anomiya v politicheskoy kommunikatsii [Information anomie in political communication]: dissertation ... doctors of sociological sciences: 22.00.05. Moscow: MGIMO: 445. (in Russian)*
6. Kravchenko S.A. 2014. «A normal anomie»: contours of conception. *Sociological Studies*, 8: 3-10. (in Russian)
7. Krivosheev V.V. 2009. *Korotkie zhiznennye proekty: proyavlenie anomii v sovremennom obshchestve [Short life projects: manifestation of anomie in modern society] // Sotsiologicheskie issledovaniya: 57-67. (in Russian)*
8. McLuhan G.M. 2003. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: Human External Extensions]. M.: Zhukovsky: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole». 464 p.*
9. Merton R. 2006. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social theory and social structure]. M., ACT, ACT MOSKVA, KhRANITEL": 873 p.*
10. Meshcheryakova N.N. 2015. *Osobennosti anomii v sovremennom rossiyskom obshchestve: sinergeticheskiy podkhod [Features of anomie in modern Russian society: a synergistic approach]: dissertation ... doctors of sociological sciences: 22.00.01. Moscow. 311 s.*
11. Parsons T. 2000. *O strukture sotsial'nogo deystviya [On the structure of social action]. M.: Akademicheskii Proekt: 880 p.*
12. Sadler U., Dzhonson T.B. 1989. *Ot odinochestva k anomii [From loneliness to anomie]. V kn.: Labirinty odinochestva [In the book: Mazes of solitude]. Sostavitel', obshchaya redaktsiya i predislovie N.E. Pokrovskogo. M.: Progress: 21–52.*
13. Sorokin P.A. 2006. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika [Social and cultural dynamics]. 2006. M., Astrel': 1176.*
14. Toshchenko Zh.T. 2020. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza) [Trauma society: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis)]. M.: «Ves' mir». 352 s.*
15. Frankl V. 1990. *Chelovek v poiskakh smysla [Man's Search for Meaning]. M., Progress: 368 p. (in Russian)*
16. Fromm E. 2004. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti [The Anatomy of Human Destructiveness]. M., AST: 635 p. (in Russian)*
17. Fukuyama F. 2004. *Velikii razryv [The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order]. M., OOO «Izdatel'stvo ACT», ZAO NPP «Ermak»: 474 p. (in Russian)*
18. Fukuyama F. 2004. *Nashe postchelovecheskoe budushchee. Posledstviya biotekhnologicheskoi revoliutsii [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]. M., AST: 352 p. (in Russian)*
19. Khabermas Ju. 2000. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral Consciousness and Communicative Action]. M.: Nauka. 380 s. (in Russian)*
20. Khirshman A.O. 2010. *Ritorika reaktsii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost' [Rhetoric of reaction: perversion, futility, danger]. M.: Izd. dom GU – VShE. 207 s. (in Russian)*
21. Shtompka P. 2001. *Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social change as trauma]. Sociological Studies, 1: 6–16. (in Russian)*
22. Adler F. 1975. *Sisters in crime: The rise of the new female criminal. New York: McGraw-Hill: 287 p.*
23. Agnew R. 1992. *Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. Criminology, Vol. 30, 1: 47–87.*
24. Baumer E.P., Gustafson R. 2007. *Social Organization and Instrumental Crime: Assessing the Empirical Validity of Classical and Contemporary Anomie Theories. Criminology, 45: 617–663.*
25. Cloward R.A., Ohlin L.E. 2003. *Delinquency and Opportunity. In: Criminological Theory: Past to Present, edited by Cullen F.T. and Agnew R. CA: Roxbury Publishing Company: 278–283.*

26. Cohen A.K. 1955. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. Glencoe, N.Y.: The Free Press: 202p.
27. Drucker P.F., D'Antonio W.V., Ehrlich H.J. 1961. *Power and democracy in America*. Notre Dame: University of Notre Dame Press: 181 p.
28. Galtung J. 1996. On the Social Costs of Modernization. *Social Disintegration, Atomie/Anomie and Social Development*. *Development and Change*, Vol.27, Issue 2: 379–413.
29. Hodson R. 1999. Organizational Anomie and Worker Consent. *Work and occupations*, Vol. 26, 3: 292–323.
30. Jilek W.G. 1974. *Salish Indian Mental Health and Culture Change: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of the Guardian Spirit Ceremonial*. Toronto: Holt, Rinehart & Winston: 131 p.
31. McCloskey H., Schaar J.H. 1965. Psychological Dimensions of Anomy. *American Sociological Review*, Vol. 30, № 1: 14–40.
32. MacIver R.M. 1950. *The Ramparts We Guard*. New York: The Macmillan Company. 152 p.
33. Messner S., Rosenfeld R. 2007. *Crime and the American Dream*. Belmont, CA: Wadsworth. 176 p.
34. Messner S., Thome H., Rosenfeld R. 2008. Clarifying and Elaborating Institutional Anomie Theory. *International Journal of Conflict and Violence*, 2: 163–181.
35. Srole L. 1956. Social integration and certain corollaries: an exploratory study. *American Sociological Review*, 21: 709–716.
36. Tiryakian E.A. 1981. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change. *Social Forces*, Vol. 59, 4: 1025–1053.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Кузьменков В.А. 2020. Аномия: основные подходы. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право*. 45 (1): 31–41. DOI

Kuzmenkov V.A. 2020. The anomie: basic theories. *НОМОТНЕТІКА: Philosophy. Sociology. Law*. 45 (1): 31–41 (in Russian). DOI